

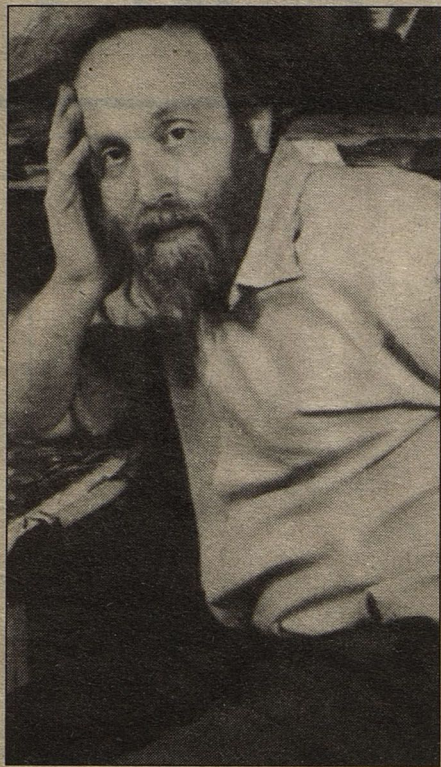
Норштейн Юрий

09.01.

Виновник торжества

Экран и сцена. - 2001. - сентябрь (№ 30).

Отделить свет от тьмы

Юрию Норштейну – 60. Когда-то драматург Михаил Вольпин на вопрос: кого из режиссеров-мультипликаторов вы бы назвали “самым-самым”, – ответил: Норштейна. Не будем рассуждать о его работах – “Лиса и заяц”, “Цапля и журавль”, “Ежик в тумане”, “Сказка сказок”, эпизоды из незавершенной “Шинели” говорят сами за себя. Не будем говорить соответствующие юбилею слова. Их уже столько сказано. И не по случаю, а в связи со всем его творчеством, в связи с каждым его фильмом. Предоставим слово самому Юрию Борисовичу. Это фрагменты мастер-класса, который Мастер дал на одном из анимационных фестивалей “Крок”. В них – прожитое, выстраданное, истинное. “Мне представляется, что если начать снимать фильм по прочтении сценария, вряд ли можно рассчитывать на что-то глубокое. В этом смысле сценарий не является основой фильма. Основа – ты, твоя жизнь. Меня мало волнует, что будет со мной после смерти. Но меня очень волнует, чтобы мои дети после моей смерти не встретили кого-нибудь, кто скажет: “А...ваш папа...” и замолчит. В любом случае я должен иметь возможность сказать: “Моя жизнь в моих фильмах”.

Религиозный ты человек или нет – отношение к тому, что ты делаешь, должно быть равновелико. Мне кажется, что есть вещи, которые превосходят всякую философию и религию. Это, например, безотчетное сопереживание...

Первым было слово. Ни в одной старинной книге не написано, что первым был кинематограф. Хотя можно сказать, что Господь Бог был первым кинематографистом. Кинематограф – это всегда в темном зале отделение света от тьмы. И режиссер в каком-то смысле Демиург...

В сочинении Гоголя “Выбранные места из переписки с друзьями” есть одна фраза, которая как бы связала все его творчество. Смысл таков: если бы человек относился к лицу другого человека, как к святыне, жизнь была бы иной. Это очень сильный стимул, чтобы каждый день начинать работу, не чувствуя, что на тебя давит груз уже сделанного...

Я хотел быть живописцем, но моя доля – работать в кино. Однако, делая кино, я должен думать совсем о другом пространстве. Счастливая драма заключается в невозможности его достичь, но в возможности пребывать в попытке. И это единственное, что примиряет меня с кинематографом”.